

В.А. Медведев

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОЦИОЛОГИИ В ФОРМАТЕ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Статья посвящена изучению эпистемологических особенностей современного социологического познания. В качестве материала используется понятие «общество», которое крайне неоднозначно трактуется социологами. Вариативность интерпретаций «общества» поднимает проблему «эпистемологической дискретности» социологического познания. В связи с этим содержание данной работы структурируется как движение от конкретного эпистемологического примера к более широкой метатеоретической проблематике, а именно, к вопросам внутродисциплинарной интеграции познавательного процесса посредством «механизмов» трансляции теоретических моделей в эпистемологическом пространстве социологии.

В ходе исследования получен вывод, согласно которому эпистемологическое пространство социологии при его рассмотрении относительно неклассического идеала научной рациональности проявляется как «дифференцированная система» исследовательских подходов. Причем, несмотря на их различие, функциональная взаимозависимость и теоретико-методологическое взаимопроникновение подходов является основой развития социологического познания. И обеспечение подобного «взаимопроникновения» требует не просто институционального регулирования процессов научной коммуникации, но формирования адекватной системы эпистемологических принципов.

1. Особенности современного социологического познания

Процесс научного поиска представляет собой институционально закрепленный вид деятельности (Макданиел 2004: 131–134), направленный на формирование знания с целью освоения пространства жизнедеятельности социальных субъектов. Это тип познавательного процесса, который, не являясь единственно существующим, тем не менее, выступает в качестве доминирующей на современном этапе развития формы познания. Причем «научность» последней есть социокультурный конструкт, исторически формируемый и преобразующийся в процессе воспроизводства и развития науки как подструктуры современного общества.

В историческом плане научное познание является развивающейся социальной практикой, принципы конституирования которой эволюционируют в соответствии с особенностями идентификации социальными субъектами самих себя и окружающего их мира (Зуй 1996: 13–

22). Существует целый ряд исторически доминировавших в различные эпохи ориентиров и, соответственно, типов познания, которые в зависимости от конвенционально признаваемых современными исследователями исторических пределов существования науки непосредственно или косвенно связываются с научным познанием. В качестве подобных типов выступают магическая, мифологическая, теологическая и метафизическая формы познания, классическая модель научной рациональности и постклассические типы рациональности*, причем последние становятся все более актуальными во второй половине XX – начале XXI в.**. Первые четыре формы, как правило, характеризуются в качестве донаучных форм освоения окружающего мира, классическая рациональность рассматривается как основополагающая форма конституирования научного познания в XVII–XX столетиях, тогда как постклассическая рациональность определяется в виде совокупности онтологических и эпистемологических предпосылок и принципов, которые задают направление развития современного (кон. XX–XXI вв.) обществознания и науки в целом.

Рассмотрение особенностей современного социологического познания делает актуальным обращение к структурообразующим принципам постклассических моделей рациональности, одним из которых является признание социокультурной обусловленности научного знания. Данный принцип особенно важен, поскольку в нем заключается их отличие от моделей классической рациональности, характеризующейся доминированием абсолютистских и универсальных концепций построения научного знания, которые нивелируют или, по крайней мере, не придают должного значения фактору социокультурной обусловленности познания и, следовательно, не учитывают относительности конвенционально признаваемых на соответствующем этапе развития и в соответствующем коммуникативном контексте результатов исследовательской деятельности. Постклассическая рациональность исходит из принципиальной фальсифицируемости научного знания на всех уровнях конституирования познавательного процесса, включая фундаментальные эпистемологические основания научного поиска. При этом даже сам принцип фальсифицируемости является относительным и, выражая идею перспективы, научного горизонта, который потенциально не ограничен формами своей субстантивации в знании, востребован в качестве одного из актуальных на данном этапе развития науки признаков гносеологической идентичности человеческого познания (Поппер 1983: 239, 305; Лакатос 2002: 273–321).

Современная социология представляет собой научную дисциплину, эпистемологическое пространство которой имеет многомерную полипарадигмальную систему координат, что, однако, не означает дискретности когнитивного и коммуникативного субстрата конституирования познавательного процесса в деятельности конкретных исследователей. Множество дифференцированных моделей и способов концептуализации социологами изучаемого предмета не является случайной совокупностью несопоставимых (разрозненных) познавательных практик. Это исторически сложившиеся эпистемологические конструкты, которые, даже будучи выстроенными на основе различных принципов осуществления познавательного процесса, конвенционально идентифицированы представителями социологического сообщества в качестве фрагментов теоретико-методологической структуры

* Формулировка «постклассическое познание» («идеал научной рациональности») является конструктом, обобщающим совокупность теоретико-методологических стратегий в современном научном познании (неклассические и постнеклассические модели), которые «противопоставляются» классическому идеалу научной рациональности и выстраиваются исходя из принципов, с одной стороны, социокультурной обусловленности эпистемологических практик, а, с другой, «когнитивной насыщенности» изучаемой на их основе действительности.

** Возможны и другие типологии исторически доминировавших форм познания. Например, «закон трех стадий» О. Конта (Конт 2001) или типология, охарактеризованная в монографии С.И. Григорьева и А.И. Субетто (Григорьев, Субетто 2000: 9–16).

социологии*. А это означает их соотнесенность, во-первых, с определенным предметным «полем» познания, во-вторых, с множеством объективированных в качестве социологического знания научных текстов**, относительно которых подобные эпистемологические конструкты обретают конкретное теоретико-методологическое значение и соответствующую ему содержательную конфигурацию смысловых проявлений.

При этом подобная целостность эпистемологического пространства социологии не означает его проявленности в качестве содержательно фиксированной структуры. Данная система координат с интегрированным в ней теоретико-методологическим субстратом социологии как науки воспроизводится на основе множества эпистемологических зависимостей (между фрагментами научного знания) и когнитивных отношений (между субъектами научного поиска), конституирующих социологию как перманентный процесс изменения и развития всех ее составляющих. В данном случае предмет социологического познания, так же, как и наука в целом или любая из ее составляющих в отдельности, является социокультурным конструктом (Кун 2002: 268), что означает дифференцированность его содержательных проявлений в различных контекстах*** актуализации социологического познания.

Как следствие, параметры последнего конвенционально определяются научным сообществом в виде когнитивных структур, вырабатываемых в процессе институционально упорядоченного взаимодействия исследователей в различных форматах проявления научной коммуникации (научно-исследовательские проекты, конференции, «школы», публикации, семинары и пр.) (Медведев 2004; Манхейм 1992: 48, 73–77, 156–159, 221–222; Horkheimer 1976: 206–224). А это в свою очередь обуславливает востребованность четкой фиксации исследователем критериев идентификации разрабатываемого им теоретико-методологического подхода и параметров осуществляемой на его основе концептуализации предмета исследования, поскольку процесс социологического познания оказывается в данном случае опосредованным использованием узнаваемых в контексте научной коммуникации абстрактно-логических кодов с целью конструирования на их основе эпистемологической ниши для проявления соответствующих теоретических построений. Другими словами, принципы постклассического социологического познания постулируют дифференцированность исследовательских позиций при условии сохранения целостности институционально заданного пространства научной коммуникации.

В то же время исследование появившихся за последние годы в отечественной литературе публикаций, касающихся теоретико-методологических вопросов социологии, свидетельствует о существовании множества противоречий, связанных с практикой решения возникающих эпистемологических задач путем использования институциональных ресурсов познавательного процесса. В связи с этим большой интерес для автора данной работы представляет исследование эпистемологических особенностей современной социологии, а также связанных с этими особенностями вопросов трансляции теоретических моделей в пределах ее гносеологического пространства.

В качестве исходного материала для изучения заданной проблематики имеет смысл использовать совокупность интерпретаций социологического понятия «общество». В

* О конвенциональности социологического познания см.: (Медведев 2005а: 30–32; Бурдые 1996а: 9–29).

** Подобные тексты, как и параметры предметного поля социологии, идентифицируются в качестве социологических, во-первых, в силу институциональной принадлежности их авторов и, во-вторых, что гораздо важнее, в результате их конвенционального признания в качестве таковых представителями социологического сообщества.

*** Дифференцированность подобных контекстов проявляется и в отношении историчности представлений о предмете социологии как науки, и с точки зрения множественности интерпретаций подобного предмета в рамках определенного этапа ее развития (Лапин 2002: 106–115; Кравченко 2000: 21).

справочной литературе данное понятие зачастую характеризуется посредством крайне неоднозначных определений, например: «Несмотря на то, что это одно из важнейших понятий в социологии, его использование сопряжено с рядом трудностей и споров...» (Общество 1999: 508). «Сложность общего определения общества связана с тем, что это очень широкое по объему, высокоабстрактное по характеру, многогранное и многоуровневое по структуре понятие, имеющее к тому же множество значений... Признавая общество продуктом взаимодействия людей, социологи, тем не менее, по-разному отвечают на вопрос о его первооснове» (Общество 2001: 272). Следовательно, они по-разному понимают особенности данного онтологического образования, различным образом концептуализируют его в формируемых ими научных моделях.

Истоки подобной вариативности лежат в различии концептуальных оснований, из которых исходят исследователи. Это определяется их принадлежностью к некоторой научной школе, приверженностью определенным теоретическим идеалам; важны здесь и общие социокультурные факторы, влияющие на сознание и поведение социального субъекта, и непосредственные условия проведения социологического исследования (включая предмет, цель, задачи научного поиска) (Лакатос 2002). Совокупность подобных факторов обуславливает позиционирование социолога, его научной позиции в эпистемологическом пространстве социологического познания. Причем выражается подобное позиционирование в особенностях трактовки исследователем изучаемого предмета.

Н.В. Бряник, рассматривая познание как один из структурообразующих параметров жизнедеятельности социальных субъектов, отмечает, что совокупность существующих форм когнитивной самореализации социальных субъектов структурируется посредством трех основополагающих гносеологических моделей: «объективистско-реалистической», «символической» и «конструкционистской» (Бряник 2003: 250–279). Последние позволяют рассматривать параметры познавательного процесса с точки зрения отношения субъекта познания к предмету, контексту и самому процессу когнитивного действия, что позволяет сопоставлять различные формы освоения окружающего мира и, в частности, концептуализировать соотношение различных подходов к изучению того или иного предмета в рамках конкретных научных дисциплин. Отсюда, представляется целесообразным использовать данную типологию при рассмотрении эпистемологического пространства социологии как многомерной, концептуально дифференцированной абстрактно-логической целостности. Ее конфигурацию в общих чертах можно представить в виде схемы (рис. 1).

Рисунок 1. Структура социологического знания.

Рассмотрение этих гносеологических моделей в качестве основания дифференциации социологических подходов позволяет использовать их также и при сопоставлении результатов познавательного процесса, полученных в соответствующих концептуальных системах. Подобные результаты проявляются в виде определенных научных открытий, выводов, теоретических построений и, в частности, в виде формируемых социологами понятий, а также интерпретаций проявленных в социологическом дискурсе концептуальных образований.

При этом важно отметить, что данная типология и, в особенности, построенная на ее основе концептуальная схема служит абстрактно-логическим конструктом, который во многом упрощает реальную эпистемологическую ситуацию, будучи одной из множества допустимых интерпретаций данного предмета исследования. Поэтому значение подобного конструкта определяется не столько его содержательными особенностями, т. е. степенью соответствия схемы конкретному референту, сколько разрабатываемыми в ходе его операционализации эпистемологическими принципами, т. е. параметрами развития в данном контексте проблематики дифференциации существующих когнитивных моделей. Ведь именно методологический плюрализм с опосредующим его постулатом социокультурной обусловленности познания является структурообразующим принципом постклассического

идеала научной рациональности*. А это означает, что операционализация данного принципа, изучение путей и способов его реализации в научном познании, а также концептуализация методологических следствий, результатов его постулирования в качестве основы построения научного знания оказывается одной из приоритетных исследовательских задач в условиях ассимиляции современной социологией подобного идеала научной рациональности**.

Причем сосуществование различных когнитивных моделей (ср. Бурдые 1996: 9–29) — это не просто методологический казус, который необходимо преодолеть, тем самым, обеспечив «научность» познавательного процесса. Это не проблема и, тем более, не симуляция реально отсутствующего противоречия. Множественность теоретико-методологических оснований и, как следствие, дифференцированность эпистемологически равнозначных (с точки зрения научного статуса) подходов исследователей — это неотъемлемое условие современного социологического познания. И проблема здесь не в том, чтобы элиминировать названное противоречие по принципу отрицания непонятных или «нежелательных» тезисов***, а в том, каким образом обеспечить научность социологического познания в пределах характеризуемой эпистемологической ситуации (См.: Тощенко 2002: 3–16; Horkheimer 1976: 206–224).

Конкретизируем данную проблематику на примере анализа методологического различия в интерпретации отдельными социологами понятия «общество», которое при всей сложности отношения к нему современных исследователей, тем не менее, во многом сохраняет свою референтность с точки зрения идентификации предметного поля социологии (см.: Давыдов 2004: 12–23).

В качестве материала подобного методологического анализа используем определения понятия «общество», которые, с одной стороны, признаются социологами в качестве «значимых» интерпретаций характеризуемого понятия****, а с другой, дифференцируются на основе обозначенной выше гносеологической типологии. Так, «объективистско-реалистической» гносеологической модели соответствует следующее определение «общества», данное в «Российской социологической энциклопедии»: «...В отечественной науке общество понимается как определившаяся в процессе исторического развития человечества относительно устойчивая система социальных связей и отношений как между большими, так и между малыми группами людей, поддерживаемая силой обычая, традиции, закона, социальных институтов и т. д., основывающаяся на определенном способе производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ» (Общество 1998: 330). «Символическая» гносеологическая модель представлена, например, дюркгеймовской интерпретацией «общества». Для Э. Дюркгейма это система социальных явлений, выполняющих определенные функции, которая основывается на «коллективном сознании» (Дюркгейм 1995), надындивидуальной общности коллективных представлений, чувств и верований, составляющих систему ценностей данного общества. С любой такой системой ценностей, как отмечает исследователь, связана совокупность фундаментальных идей, в терминах которых члены общества истолковывают общий для них мир и поддерживают общение друг с другом (Дюркгейм 1999: 508; Общество 2001: 272; Дюркгейм 2005). Наконец, принципы «конструкционистской» гносеологической модели актуализируются, к примеру, в этнометодологической интерпретации «общества». Дж. Тернер выражает ее следующим образом: «... люди... сознательно или бессознательно

* См., напр.: (Гайденко 2003; Степин 2000).

** См.: (Бауман 1992: 5–22; Григорьев, Субетто 2000; Козлова, Смирнова 1995).

*** Концептуализацию подобной методологической проблематики см.: (Ильенков 1997: 315–321, 325–327).

**** «Значимость» рассматриваемых трактовок определяется в данном случае исходя из признания социологическим сообществом соответствующих исследователей и их научных, теоретических разработок.

создают, поддерживают и изменяют “значение” внешней социальной реальности. В действительности “цемент”, скрепляющий общество воедино, может и не быть ценностями, нормами ... и тому подобными понятиями современной социальной теории, но он представляет собой явные и неявные методы людей для создания предположения о социальном порядке... “Смысл порядка” — это не то, что делает возможным общество. Его делает способность людей активно и постоянно создавать и использовать правила, убеждающие друг друга в том, что существует реальный мир» (Тернер 1985: 419, 431).

Названные определения по-разному характеризуют общество как предмет рассмотрения. И, более того, соответствующие исследователи различным образом понимают «социальность» как качество соответствующего данному понятию («общество») референта (ср.: Лакофф 2004). А это имеет существенные последствия для науки, поскольку касается не только конкретных определений, но и структурных особенностей эпистемологического пространства социологии в целом, что «вынуждает» отдельных исследователей констатировать кризисность современного состояния социологической науки. В этой связи важно отметить, что данная эпистемологическая ситуация является неприемлемой и характеризуется как безусловно кризисная и деструктивная, главным образом, с позиции классического идеала научной рациональности, доминирование которого постепенно становится историей социологического познания, историческим фоном иных теоретико-методологических принципов (см., напр. Бауман 1992: 5–22; Гайденко 2003; Козлова, Смирнова 1995; Мысль и искусство аргументации 2003; Степин 2000). Это выражается в становлении новой методологической культуры и, в частности, в признании тезиса, согласно которому «некоторая множественность понятийных систем и подходов плодотворнее конструирования универсальной понятийной системы» (Семенов 1996: 15).

Так, интерпретация «общества», характерная для «марксистской социологии», которая выражена в определении, заимствованном из «Российской социологической энциклопедии», позволяет учесть в исследовании историчность социальной действительности и открывает широкую перспективу рассмотрения общества как системы, что очень важно для описания и прогнозирования макропроцессов общественной жизни. В то же время данная трактовка имеет существенные познавательные ограничения. Эта модель социологической интерпретации почти не учитывает действующего, определенным образом осознающего себя и окружающий социальный мир индивида. Следовательно, микроуровень отображения социальных явлений, процессов остается во многом недостижимым для социолога, работающего в данной социологической парадигме.

Дюркгеймовская трактовка «уходит» от модели материалистической детерминации общественной жизни. Она позволяет достаточно полно концептуализировать ценностное содержание социальной действительности, однако на ее основе не фиксируется процессуальность изучаемого предмета. В ней практически полностью игнорируется волюнтаризм человеческой жизнедеятельности.

В свою очередь, интерпретация «общества» в этнометодологической парадигме является эффективной с точки зрения понимания и объяснения социальных процессов и явлений на микроуровне их актуализации, но в то же время «скрывает» от исследователя макросоциальную перспективу общественной жизни.

Как следствие, рассмотрение подобных интерпретаций в качестве взаимодополняющих концептуальных моделей оказывается перспективным направлением теоретико-методологического развития* и в данном контексте предполагает ориентацию на

* Существует тезис, согласно которому реальная исследовательская практика показывает, что данное «перспективное» направление не содержит в себе методологической новизны, поскольку обеспечивает функционирование науки в течение, по крайней мере, нескольких десятилетий. В этой связи стоит отметить, что

формирование концептуальной модели общества в виде совокупности когерентных абстрактно-логических срезов, каждый из которых характеризует один из аспектов изучаемого предмета, фиксируемый относительно концептуальных оснований соответствующего социологического подхода. А это требует изучения путей формирования подобных концептуальных моделей.

2. Идея полипарадигмальности* как способ разрешения эпистемологических противоречий

Многообразие теоретических трактовок, плюрализм концептуальных подходов, многомерность социологического знания — это параметры, содержащие в себе «магическую» привлекательность эпистемологической новизны. Но непосредственное обращение к ним в социологическом познании рождает неуверенность, сомнения. Возникает вопрос, не является ли подобное многообразие, богатство интерпретаций губительным для науки (Тощенко 2002: 4). Ведь понятие — это не просто символ, но инструмент формирования знания. Адекватное прочтение научного текста требует идентификации используемых автором теоретических конструктов, понятий. А это возможно только исходя из концептуальных оснований, которые обуславливают параметры рассматриваемой трактовки, тогда как эпистемологическое многообразие, столь характерное для постклассического идеала рациональности, создает ситуацию вариативности концептуальных оснований различных социологических моделей.

Предполагается, что выходом из данной ситуации является фиксация парадигмальной идентичности воззрений исследователя, когда он либо сам оговаривается о своей принадлежности к определенному научному направлению, парадигме, либо подобное «отнесение к парадигме» осуществляют представители научного сообщества, опираясь на формальные признаки теоретической модели. При этом ценность парадигмальной идентичности теоретических построений заключается, как полагают, в концептуальной целостности социологических парадигм. Делается допущение, что всякая социологическая парадигма имеет устойчивую концептуальную основу, относительно которой трактуется любая интегрированная в ней система теоретических построений. По сути, это означает, что существует конечный набор интерпретативных моделей, которые на заданном этапе развития социологической науки определяют ее парадигмальный спектр. При этом образованный социолог, согласно допущению, имеет достаточно знаний и навыков, чтобы оперировать подобными интерпретативными схемами и, следовательно, способен определить парадигмальную идентичность той или иной теоретической модели, что позволяет производить адекватную интерпретацию ее содержания.

Остановимся подробнее на проблеме трансляции социологического знания в структуре науки. В современном социологическом познании реализуется принцип «константности абстрактно-логических оснований» (Медведев 2004). Условием теоретико-методологической

смешение методологических оснований в практике конкретных исследований и попытки «парадигмального», теоретико-методологического синтеза не образуют операционального тождества. Очень часто стремление совместить в исследовании разные методологические стратегии создает примеры грубой эклектики, что служит поводом для консервативной методологической критики и в то же время обуславливает востребованность методологических «инструментов», позволяющих сохранить научность познавательного процесса в условиях релятивизации его эпистемологических оснований.

* Интерпретация термина «парадигма» определяется в данном случае традицией его использования, основанной на куновском понимании «парадигмы», но в то же время переработанной это понимание в русле более поздних работ по методологии науки И. Лакатоса, Х. Патнэма и ряда др. исследователей, что делает его близким по смыслу термину И. Лакатоса «научно-исследовательская программа».

валидности построений социолога является здесь последовательность научной аргументации, «верность» исходным посылкам. В основание теоретической модели, в данном случае, положено несколько понятийных конструктов, которые проинтерпретированы относительно совокупности эпистемологических принципов. Эти принципы неизменны, а названные понятия образуют устойчивую абстрактно-логическую структуру, которая выступает в качестве фундамента теоретических построений исследователя.

Получается, что теоретическая модель сохраняет свою целостность при условии неизменности ее концептуальных оснований. Как следствие, возникает вопрос: как сопоставить теоретические модели, концептуальные основания которых различны? В рамках постулирования полипарадигмальности социологического знания ответом на него является тезис, согласно которому, концептуальные основания абстрактно-логических построений закладываются на уровне их парадигмальной идентичности. Предполагается, что подобные основания являются общей методологической основой всех возможных трактовок изучаемого предмета с точки зрения данной научной парадигмы. А это позволяет сопоставлять в рамках одной парадигмы соответствующие теоретические модели, обобщать полученные на их основе результаты, операционализировать имеющиеся разработки в формате конкретных исследований и развивать теоретические построения с учетом новых эмпирических данных (см.: Merton 1967).

3. Концептуальная вариативность научных интерпретаций

Охарактеризованная выше познавательная «стратегия» работает при допущении строгой парадигмальной дифференциации социологического знания. Однако стоит задаться вопросом, что такое парадигмальный континуум современной социологии. Не схематизация ли это существующей познавательной ситуации? Возможно ли однозначное определение параметров парадигмальной принадлежности некоторой социологической модели?

Здесь важно отметить, что само понятие «социологическая парадигма» не имеет на сегодняшний день однозначной трактовки (Балог 2002: 22). Одно это уже свидетельствует о невозможности существования четкого парадигмального континуума, который признавался бы основной частью научного социологического сообщества. Однако главное даже не это. Принципиально важным является то, что любая типология, пусть даже ее признает все научное сообщество, есть характеристика сложившейся ситуации, которая может влиять на развитие познавательного процесса, но не детерминирует конкретные ситуации социологического познания.

Теоретико-методологические воззрения исследователя определяются совокупностью факторов, которые обуславливают формирование уникального «рисунка» концептуальных предпосылок интерпретации им изучаемого предмета (Качанов 2002: 20). Выделение в социологическом знании ограниченной совокупности актуальных на текущий момент познавательных перспектив (парадигм) в значительной мере упрощает ситуацию. Формирование подобных теоретико-методологических схем необходимо, поскольку это способ осмысления сложившейся научной традиции, но познавательный процесс, рост научного знания — это всегда формирование нового, того, что выходит за рамки имеющейся традиции, следовательно, по необходимости не укладывается в формате сложившихся типологий.

Таким образом, постклассический идеал научной рациональности, который во многом определяет эпистемологические приоритеты современного социологического познания, обуславливает множественность теоретико-методологических позиций исследователей-социологов. Причем подобное множество несводимо к конечному набору социологических парадигм.

Таким образом, доминирующая на сегодняшний день в социологии эпистемологическая традиция исходит из константности концептуальных оснований конкретной социологической модели, в рамках которой структурирующие ее понятия имеют устойчивую содержательную трактовку (см., напр. Орлов 1997; Тощенко 2002; Ядов 1999). И в то же время постклассический идеал научной рациональности предполагает допустимость множественности теоретических концептуализаций одного и того же предмета рассмотрения. Каждая такая трактовка имеет специфические именно для нее эпистемологические основания, которые не сводимы к конечному набору парадигмальных схем. А это позволяет придти к достаточно интересным методологическим заключениям.

4. «Оперирование критериями» как методологический инструмент постклассического познания

Ориентиром социологического познания является формирование научного знания и, следовательно, развитие, совершенствование теоретико-методологического потенциала науки, что основывается, во-первых, на функциональной взаимозависимости теории и эмпирии, во-вторых, на реализации механизма преемственности, когда приращение знания опосредовано использованием имеющегося теоретико-методологического ресурса, что, в свою очередь, осуществляется посредством трансляции теоретических моделей в эпистемологическом пространстве социологии.

Трансляция социологического знания в структуре науки предполагает сопоставление, синтез различных теоретических моделей. При этом принцип константности концептуальных оснований, ориентация на однозначность понятийных конструктов при условии эпистемологической вариативности научных подходов ведет к множеству когнитивных сдвигов в процессе перемещения понятийных моделей из одного концептуального контекста в другой*. По этому поводу исследователь А.А. Зотов высказывался на круглом столе «Социология и реальность» следующим образом: «У меня короткий вопрос по поводу того, что социологические категории можно, как инструменты, переносить в рамки другой концептуальной системы. Я бы не согласился, потому что их содержание меняется... В этом плане нужно быть очень осторожным и не переносить механически понятия из одной концептуальной системы в другую» (Зотов 1996: 23).

Возникает вопрос, как избежать такого механического перенесения социологических разработок. Данный вопрос приобретает особую актуальность на фоне вывода, согласно которому эпистемологическая конфигурация теоретической модели обусловлена совокупностью факторов, влияющих на методологические предпосылки исследовательской деятельности в ходе конструирования подобной модели и образующих концептуальный контекст, абсолютных эквивалентов которого в абстрактно-логическом пространстве социологии не существует.

Выход из сложившейся ситуации видится в разработке теоретико-методологического инструментария, операциональным ядром которого служит стратегия оперирования критериями. Критерий есть параметр, выступающий в качестве принципа, исходной точки или когнитивной основы восприятия и концептуализации предмета рассмотрения при его проявлении в фокусе опосредованной подобным конструктом познавательной перспективы. Это эпистемологический конструкт, который характеризует подход ученого к соответствующему вопросу, определяет конфигурацию рассматриваемых на его основе свойств и признаков изучаемого предмета и, что самое главное, является методологическим

* Под концептуальным контекстом понимается система эпистемологических предпосылок, в пределах которой осуществляется концептуализация изучаемого предмета.

инструментом, оперирование которым позволяет исследователю проявить онтологические детерминанты собственного подхода в качестве осознанных параметров концептуализации изучаемого предмета (Медведев 2005б: 58–61).

Обращаясь к критерию как к методологическому инструменту познания, необходимо прежде всего отметить, что это параметр, опосредующий концептуализацию всякого предмета рассмотрения в любом формате осуществления соответствующего когнитивного акта. Рассмотрение некоторого предмета всегда опосредуется интеграцией его в определенную систему координат, т. е. абстрактно-логическое пространство, образованное совокупностью «измерений» (координат), которые проявляются как структурообразующие параметры его восприятия, идентификации, осмысления. Конфигурация этих параметров есть структура критериев, востребованная в виде основы когнитивного действия.

В то же время, хотя критерий как когнитивная основа восприятия или структурообразующий принцип интерпретации предмета рассмотрения имманентен всякому когнитивному действию, оперирование им как эпистемологическим инструментом требует методологической подготовки и наиболее эффективно реализуется только в рамках определенных стратегий познания и исходя из осознанной работы исследователя над формированием и применением подобного «инструмента» (Медведев 2005а: 30–32). Оперирование критериями есть атрибут определенного сформированного стиля мышления, в котором проявляется структурность, многоуровневость, пластичность абстрактно-логического восприятия и концептуализации материала. Причем особенно важным является то, что подобные свойства мышления либо «приходят с опытом», когда исследователь начинает оперировать критериями, сам не задумываясь об этом, либо проявляются как следствие осознанной работы субъекта познания над формированием и развитием соответствующего стиля мышления, что в данном контексте оказывается непосредственным содержанием теоретико-методологического исследования.

Критерий задает параметры интерпретации предмета рассмотрения, в сопоставлении с которыми конструкт приобретает некоторую абстрактно-логическую, содержательную и смысловую конфигурацию. Как инструмент теоретического конструирования он проявляется на методологическом, содержательном и семантическом уровнях воспроизводства соответствующей конфигурации. Его методологическая обусловленность характеризуется востребованностью последнего в качестве когнитивного основания, содержательная конфигурация трактуется как термин или понятие, а семантическая проекция предполагает его воспроизводство в виде определенного свойства изучаемого предмета.

Конструирование критерия осуществляется как, с одной стороны, содержательная разработка соответствующего параметра, а, с другой стороны, как его методологическая операционализация в качестве концептуального основания, относительно которого выстраивается конфигурация свойств и признаков изучаемого предмета. А это предполагает, во-первых, его обозначение в качестве такового, во-вторых, проявление заданной подобным обозначением и развивающей его абстрактно-логической конфигурации, что осуществляется в виде контекстуальной разработки терминологического конструкта, на основе которого выстраивается когнитивная перспектива рассмотрения соответствующего предмета, и, в-третьих, актуализацию подобной перспективы рассмотрения в виде теоретической модели, отображающей конфигурацию выстраивающихся относительно заданного критерия свойств и признаков предмета исследования (или концептуализации, рассмотрения, т. е. когнитивного действия).

При этом содержательно критерий, как правило, разрабатывается в качестве структурообразующего, доминирующего свойства изучаемого объекта. Последнее означает, что предмет изучения, будучи проявлен в виде наиболее общих характеристик объекта, определяющих его интеграцию в структуре социального опыта и, следовательно,

принадлежность социальному знанию, берется в качестве исходного материала. Актуализация последнего в формате определенного теоретического подхода предполагает его интеграцию в соответствующую систему координат и, следовательно, упорядочивание в виде конфигурации когнитивно обусловленного ею абстрактно-логического образования. Подобный процесс «интеграции» предполагает соотнесение критериев структурирования подхода исследователя с параметрами рассматриваемого конструкта, которые упорядочиваются на предмет их значимости с точки зрения данной перспективы рассмотрения. При этом процесс упорядочивания предполагает, во-первых, выделение одного или нескольких наиболее значимых свойств предмета рассмотрения, затем их детализацию на основе менее важных параметров и только потом — конкретизацию посредством множества семантических показателей. В данном случае важно отметить, что с позиции оперирования критериями наиболее значимые свойства конструкта оказываются основаниями конституирования его абстрактно-логической и содержательно-смысловой конфигурации в заданном контексте интерпретации. Это критерии его структурирования как элемента заданной абстрактно-логической системы координат, которые обусловлены методологическими основаниями подхода исследователя или интегрирующей данный конструкт теоретической модели, но в то же время не являются им тождественными, поскольку позиционируются в другом масштабном контексте отображения структуры критериев, обуславливающих содержательную конфигурацию формируемой теоретиком научной модели.

В этом смысле критерий как параметр задается исследователем (или воспринимающим, концептуализирующим предмет социальным субъектом) и в то же время не является «случайным» по отношению к концептуализируемому материалу, поскольку проявляется в качестве функции интенциональной направленности сознания социального субъекта как находящегося в отношении восприятия с соответствующим предметом (или объектом). Здесь объект существует не «сам по себе», но является проявленным в социальном пространстве на основе его идентификации, следовательно, включенности в инфраструктуру «возможного опыта» (И. Кант), т. е. в сферу возможной актуализации субъект-объектного отношения восприятия. Это характеризует его как предмет рассмотрения, проявляющийся в определенном образом структурированном формате когнитивного действия. Структурированность последнего выстраивается на основе критериев, среди которых, как правило, есть доминирующий параметр, а также совокупность опосредованных им и, следовательно, производных от него составляющих, выступающих в качестве, с одной стороны, детализирующих параметров доминирующего критерия, а с другой стороны, относительно самостоятельных критериев рассмотрения.

Оперирование критериями, будучи методологическим инструментом, реализуемым в контексте формирования и работы с подобными эпистемологическими конструктами, актуализируется на различных уровнях «сложности» теоретико-методологического инструментария, когда в качестве критериев проявляются термины, терминологические структуры, понятия или понятийные модели, т. е. абстрактно-логические конструкты, обладающие различным эпистемологическим статусом. И хотя познавательный потенциал, формируемый оперированием соответствующими критериями, весьма существенно варьируется в зависимости от уровня эпистемологического «развития» подобных конструктов (от термина до понятийной модели), сам принцип оперирования критериями, будучи проявленным в качестве атрибута определенного стиля мышления, сохраняется неизменным и пронизывает собой весь процесс осуществляемых исследователем теоретических построений.

В данном случае, понятие перестает быть содержательной константой, структурообразующие параметры теоретической модели становятся контекстуально

вариативными. Следствием этого является уход от традиционных формально-логических оснований познавательного процесса*, поскольку трактовка понятия в качестве концептуальной константы (формальная логика) не позволяет оперировать критериями в ходе трансляции теоретических построений из одного эпистемологического контекста в другой. При неизменности концептуальных оснований процесс интерпретации теоретической модели предполагает формирование нового конструкта с иной абстрактно-логической конфигурацией, параметры которой не являются обусловленными взаимодействием «исходного» и «конечного» эпистемологического контекстов, но привносятся «извне» («механически»). А это является источником когнитивного сдвига, т. к. новые концептуальные основания не позволяют учесть всех особенностей исходной концептуализации изучаемого предмета.

Итак, современное социологическое познание находится в процессе активного освоения параметров «постклассического» идеала научной рациональности. Это означает преобразование логических оснований, совершенствование онтологических представлений, изменение эпистемологических принципов, что в совокупности образует теоретико-методологическую основу познавательного процесса. Причем осуществляется это в условиях относительной солидарности исследовательского сообщества по поводу признания, с одной стороны, «ограниченности» (неадекватности) классических моделей познания со свойственным для них универсализмом, редукционизмом, линейностью концептуализации изучаемого предмета (Козлова, Смирнова 1995), что очень хорошо показано в постмодернистском общественнонаучном и социально-философском дискурсе (см., напр. Бауман 1992: 5–22; Бодрийяр 2000; Лиотар 1998), а, с другой, тупиковости «негативистских» тенденций «развития» научного знания, ориентированных на отрицание либо фрагментацию и деструкцию эпистемологического субстрата современной науки (см., напр. Бурдьё 1996б: 9–29; Григорьев, Субетто 2000). Следствием этого является постепенное осознание востребованности «синтетических» моделей познания, методологически обогащенных «антропологическим» содержанием (Осипов 2004: 3–14; Соколова, Титаренко 2004: 142–145; Тощенко 2000: 7–9; Berger 1963: 186–199) и принципами неклассического идеала научной рациональности, что позволяет использовать теоретико-методологический потенциал релятивистской критики позитивизма, не ограничиваясь при этом дискурсом отрицания, но формируя на его основе новый субстрат постклассического научного знания (см. Мысль и искусство аргументации 2003: 7, 39–40; Степин 2000; Тощенко 2002; Бурдьё 1996б; Григорьев 2000: 13–21; Сорокин 1999: 115–124; Horkheimer 1976: 206–224). В данном случае речь идет уже о разработке теоретико-методологических подходов, обеспечивающих сохранение научности познавательного процесса в условиях релятивизации традиционной аксиоматики, что, в частности, требует формирования и операционализации адекватных методологических инструментов, одним из которых является стратегия «оперирования критериями».

Литература

- Балог А. Социология – мультипарадигмальная наука? // СОЦИС. 2002. № 7.
Бауман З. Философские связи и влечения постмодернистской социологии // Вопросы социологии. 1992. Том 1. № 2.
Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.
Брянник Н.В. Введение в современную теорию познания. М.; Екатеринбург, 2003.

* О развитии логики как науки см., напр.: (Войшвилло 1989).

Бурдые П. За рационалистический историзм // Социо-Логос постмодернизма'97. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института экспериментальной социологии. М., 1996а.

Бурдые П. Оппозиции современной социологии // СОЦИС. 1996б. № 5.

Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М., 1989.

Гайденок П.П. Научная рациональность и философский разум. М., 2003.

Григорьев С.И., Субетто А.И. Основы неклассической социологии: Новые тенденции развития культуры социологического мышления на рубеже XX–XXI веков. М., 2000.

Григорьев С.И. Смена научных картин мира и социология // СОЦИС. 2000. № 9.

Давыдов А.А. К вопросу об определении понятия *общество* // СОЦИС. 2004. № 2.

Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные // Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.

Дюркгейм Э. // Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 1. М., 1999.

Дюркгейм Э. // Энциклопедия «Мир вокруг нас» [электронный ресурс] / Гл. ред. А. Яковлев.

Зотов А.А. // Социология и реальность (круглый стол) // СОЦИС. 1996. № 11.

Зуй М.И. Социология – Мифология – Философия (типы сознания) // СОЦИС. 1996. № 12.

Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997.

Качанов Ю.Л. Что такое социологическая теория? // СОЦИС. 2002. № 12.

Козлова Н.Н., Смирнова Н.М. Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация // СОЦИС. 1995. № 11.

Конт О. Дух позитивной философии. СПб., 2001.

Кун Т. Структура научных революций. М., 2002.

Кравченко А.И. Социология: Учебник для вузов. М., 2000.

Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций. М., 2002.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.

Лапин Н.И. Предмет и методология социологии // СОЦИС. 2002. № 8.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М., 1998.

Макданиел С. Течения в международной социологии — доминирование, различия и разделение труда // СОЦИС. 2004. № 10.

Манхейм К. Идеология и утопия. Ч.1. М., 1992.

Медведев В.А. Проблема понятийных оснований социологического исследования // СОЦИС. 2004. № 6.

Медведев В.А. Метатеория как формат конструирования эпистемологического пространства социологического исследования // 38 Вестник ГОУ ВПО УГТУ-УПИ. Трансформация российского общества и актуальные проблемы социологии. 2005а, № 3 (55). Ч. 1.

Медведев В.А. «Функциональные модусы» воспроизводства и развития социологии в качестве профессиональной структуры // Политическая культура и политические процессы в современном мире: методология и опыт эмпирического анализа. Ч. VI (2). Екатеринбург, 2005б.

Мысль и искусство аргументации. М., 2003.

Общество // Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М., 1998.

Общество // Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. Т. 1. М., 1999.

Общество // Учебный социологический словарь с английскими и испанскими эквивалентами / Под ред. С.А. Кравченко. М., 2001.

Орлов Г.П. Категории социологии: проблема классификации // СОЦИС. 1997

Осипов Г.В. Российская социология в XXI веке // СОЦИС. 2004. № 3.

Поппер К.Р. Логика и рост научного знания: Избранные работы. М: Прогресс, 1983.

Семенов Е.В. Доклад на круглом столе «Социология и реальность» // СОЦИС. 1996. № 9.

Соколова Г.Н., Титаренко Л.Г. Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы // СОЦИС. 2004. № 2.

Сорокин П.А. Социология вчера, сегодня, завтра // СОЦИС. 1999. № 7.

Степин В.С. Теоретическое знание: Структура и историческая эволюция. М., 2000.

Тощенко Ж.Т. Социология жизни как концепция исследования социальной реальности // СОЦИС. 2000. № 12.

Тощенко Ж.Т. О понятийном аппарате социологии // СОЦИС. 2002. № 9.

Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985.

Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 1999.

Berger P. Sociology as a Humanistic Discipline // Berger P. Invitation to Sociology. Harmondsworth, 1963.

Horkheimer M. Traditional and Critical Theory // Critical Sociology: Selected Readings. Harmondsworth, 1976.

Merton R. On Theoretical Sociology. N.Y., 1967.